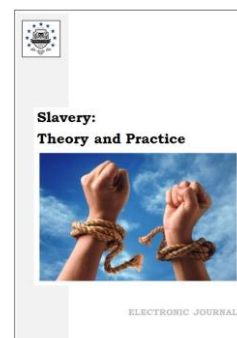

Copyright © 2024 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Slavery: Theory and Practice
 Issued since 2016.
 E-ISSN: 2500-3755
 2024. 9(1): 3-22

DOI: 10.13187/slave.2024.1.3
<https://stp.cherkasgu.press>

Articles

Russian Empire Subjects in the Emirate of Bukhara and the Failed Visit of Sultan Seit-Ali Nur-Aliev for the Purpose of Their Returning (1813)

Artyom Yu. Peretyatko ^{a, *}

^aCherkas Global University, Washington, DC, USA

Abstract

The article is dedicated to the social structure of the Russian Empire subjects in the Emirate of Bukhara. The main source for its description is the previously uninvolved into scientific circulation materials on the failed 1813 visit to Bukhara by Sultan Seit-Ali Nur-Aliev for the purpose of transporting Russian Empire subjects from there.

The article concludes that, despite statements by a number of Russian diplomats and military about grievous suffering of Russian captives in Bukhara, the real number of Russian slaves in the Emirate of Bukhara in the 19th century was relatively small. As estimated by P.I. Demezov, in the 1830s in the Emirate of Bukhara there were only about 500 “Russian captives”. When in the 1853 N.P. Ignat’ev was centrally liberating Russian slaves in Bukhara, only 10 people returned to Russian Empire, because others were “Bukharized”. But, according to S. Nur-Aliev and some other authors, a significant number of runaways from Russian Empire lived in Bukhara, who were afraid to return without pardon.

At the same time the article shows that the problem of liberating slaves was extremely important to Russian officials, sometimes even interfering with their ability to perceive reality. Thus, even though S. Nur-Aliev clearly wrote that he intends to return “runaway people” from Bukhara to Russia, Orenburg Governor G.S. Volkonskii surmised that the Sultan plans to also buyout Russian slaves to return them home. And so, accordingly, the exaggerated importance given to Russian slaves in Bukhara in the narratives of some Russian authors of the 19th century is explained to be not a deliberate falsification, but such fault of perception.

Keywords: Emirate of Bukhara, Russian-Bukharan relationships, slavery, mediation in the liberation of slaves, G.S. Volkonsky.

1. Введение

В 1813 г. один из султанов Среднего Жуза (в русскоязычном дискурсе того времени – Средней Орды) Сеит-Али Нур-Алиев¹ подал прошение оренбургскому губернатору

* Corresponding author

E-mail addresses: ArtPeretatko@yandex.ru (A.Yu. Peretyatko)

¹ Обратим внимание, что его имя в русскоязычном документообороте пишется по-разному и мы выбрали наиболее близкий к современным правилам транскрипции с казахского вариант. Сам С. Нур-Алиев в поданном русским властям прошении именовал себя «Сеит Галий Нургали Хана сын» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 997. Л. 2).

Г.С. Волконскому с просьбой отпустить его в Бухару, чтобы вывезти оттуда подданных Российской империи; губернатор этой идеей заинтересовался, но запросил мнение на ее счет у некоего Чекалова, отнесшегося к ней крайне скептически; после этого бюрократическая переписка по данному вопросу прекратилась и, видимо, С. Нур-Алиев никуда не поехал (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 997. Л. 1-12). Дополнительной пикантности данному сюжету придает то обстоятельство, что султан предполагал в ходе своего путешествия еще и основать поселение на Сыр-Дарье, причем достаточно сильное в военном отношении, чтобы защищать купеческие караваны (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 997. Л. 10б.-2). Поскольку это поселение должно было быть основано в соответствии с волей властей Российской империи, фактически речь шла о попытке отодвинуть передовую сухопутную русскую военную базу в Центральной Азии далеко на юг задолго до неудачного Хивинского похода В.А. Перовского в 1839–1840 гг.

Нас, однако, будут интересовать не военно-политические, но связанные с практиками рабовладения аспекты несостоявшейся поездки С. Нур-Алиева в Бухару. Здесь следует отметить, что освобождение рабов-подданных Российской империи с помощью посредников в XVIII–XIX вв. практиковалось достаточно широко. В 1809 г. Оренбургская пограничная комиссия в делопроизводственной переписке даже приводила дословную цитату из именного повеления Екатерины II от 24 октября 1777 г.: «За тех пленников, кои из Азии выкупаемы будут, платить за каждого человека 150 руб. и более, смотря по обстоятельствам и по летам пленника, наблюдая при том, чтоб повеленье сие не вышло в огласку, дабы тем не подать поводу к излишним требованиям» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 563. Л. 3–30б.). В результате, например, в ходе Кавказской войны захват русских пленных черкесами для получения выкупа достиг таких масштабов, что с 1835 г. официальный выкуп у них пленных был практически прекращен, поскольку «для русской администрации стало очевидным, что выкуп пленников только поощряет рабозахват и работорговлю в Черкесии» (Cherkasov, 2020: 1427-1428). В то же время часть посредников была более или менее лояльна Российской империи и освобождала рабов не только с целью получения за это финансового вознаграждения, но и для получения знаков отличия. Так, в 1820–1840 гг. ряд армянских купцов был награжден медалями «За усердие» за освобождение русских пленных из кавказского рабства (Клычников, Цыбульников, 2011: 130–134). Более того, для Кавказа начала XIX в. совершенно нормальной была и фигура горского аристократа, выступающего посредником при освобождении русских пленных: например, в обмене пленников между русскими и черкесами в 1803–1804 гг. участвовали «дворянин Ислям», «князь Абат Крымгерей», «закубанский владелец Магмет Калабат Оглы» и «князь Алкас» (Rajović et al., 2017: 1263-1268).

В случае с Центральной Азией подобные практики были, по-видимому, несколько менее распространены, но в архивных материалах все равно встречаются десятки случаев, когда людей, захваченных в рабство «киргизцами»¹, спасали местные старшины, бии или султаны. Например, в 1837 г. молодой казак Алексей Макаров был вывезен из киргизского аула старшиной Худайберганом Сандубаевым, который даже не стал его выкупать, но помог ему бежать, еще и угнав из местного табуна двух лошадей (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4388. Л. 117-1170б.). Х. Сандубаев за этот подвиг, кстати, был награжден не только 50 руб., но и саблей (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4388. Л. 113). Несколько ранее, в начале 1830 гг., султан Кусяп-Галий Урманов «вывез из Орды» (т. е. с территории одного из казахских жузов) двух сравнительно недавно захваченных рабов, русского Василия Астраханцева и татарина Таиша Исмашлова (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3755. Л. 40).

Однако в Хивинском ханстве и Бухарском эмирате, насколько нам удалось установить по архивным документам, схема освобождения рабов-подданных Российской империи через посредников почти не практиковалась. В случае с Хивой эта схема оказалась просто почти не рабочей, ведущей обычно только к гибели людей, рискнувших попытаться посредничать в выкупе рабов. В 1831 г. председатель Оренбургской пограничной комиссии Г.Ф. Генс жаловался, что «Хивинское Правительство согласится на продажу Российских пленников

¹ В русскоязычном дискурсе XIX в. «киргизцами»/«киргизами» обычно называли казахов. Мы здесь и далее именуем киргизцами людей, которые так позиционируются в документах, поскольку уточнить их этничность в современном понимании не представляется возможным.

только единоверцам и никак не позволит возвратить их в отечество прямо из Хивы» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3755. Л. 20б.). Более того, по его свидетельству «в Хиве смертная казнь угрожает не только Киргизу, покушающемуся освободить пленника, но и хозяину, соглашающемуся продать его для возвращения в отечество, и многие уже Киргизы сделались жертвами корыстолюбия или, может быть, и преданности своей правительству, побуждающей их вдаваться в опасность» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3755. Л. 23-23об.).

Нам на данный момент удалось выявить только один успешный случай спасения русских рабов из Хивинского ханства с помощью посредника, однако он очевидно эксклюзивен и мог бы стать сюжетом для приключенческого романа. Киргизец-конокрад Бурангул Каркынов, сидевший в русской тюрьме, был отправлен на лечение в оренбургский военный госпиталь, откуда сумел сбежать в степь, где оказался в ауле султана Баймухамеда Айчувакова (в современной транскрипции – Айшуакова) (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4941. Л. 15). Здесь уместно отметить, что Б. Айчуваков – крайне интересная личность, один из наиболее лояльных Российской империи центральноазиатских деятелей, дослужившийся до чина русского генерал-майора (Galimov et al., 2017: 473). Услышав речь Б. Айчувакова о том, чтобы киргизцы «служили Российскому правительству усердно, особенно старались бы вывозить из Хивинского владения Русских пленников», Б. Каркынов столь впечатлялся, что решил попытаться спасти русских рабов (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4941. Л. 15-15об.). В итоге Б. Каркынов смог вывести из Хивы в 1839 г. четырех русских скрытно, с серьезными приключениями: они почти месяц шли к российской границе по ночам, по пути кончились припасы и пришлось зарезать одну из лошадей, а в итоге беглецы все равно наткнулись на киргизцев – но им удалось выдать себя за купцов и даже арендовать лошадей (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4941. Л. 15об.-17). Российские власти за это не только объявили Б. Каркынову прощение за преступление, но и выплатили ему 368 руб. – правда, в данном случае это была не награда, но компенсация убытков, понесенных в ходе всей авантюрной операции (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4941. Л. 24).

Напротив, отношения с Бухарским эмиратом у российских властей сложились достаточно удовлетворительные, так что в 1830 гг. предполагалось даже выкупать рабов-подданных Российской империи из Хивы через посредство бухарских сановников (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3755. Л. 2-20б.). Хотя успеха достичь не удалось, в целом контакты Российской империи и Бухарского эмирата были достаточно тесными, чтобы, как мы увидим далее, обычно переговоры о выкупе/освобождении пленных чиновники двух государств вели напрямую, без посредничества частных лиц. Нам до настоящего времени почти не удалось выявить зафиксированных в архивных документах случаев выкупа русских рабов из Бухары. Единственный же отраженный в обнаруженных нами документах оренбургских властей, а не мемуарной литературе, достаточно массовый выход русских из Бухары был крайне специфичен: в 1858 г. российская миссия вывезла 10 человек, из которых, однако, 8 было фактически не рабами, а солдатами эмира, 1 – ребенком, сыном одного из солдат, а еще 1 – женщиной-персиянкой, женой одного из солдат (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 7533. Л. 10б.-20б.). Интересно, что, согласно утверждениям главы миссии, Н.П. Игнатьева, бухарские власти готовы были передать ему без всякой компенсации и большее число «личностей русского происхождения», однако остальные бывшие русские подданные в Бухаре «обухарились», причем некоторые даже «завели гаремы» (Игнатьев, 1897: 225-226). Таким образом, случай Н.П. Игнатьева как раз подтверждает, что при желании и должной настойчивости российские власти могли получить подданных Российской империи из Бухары путем прямого обращения к эмиру. Два других выявленных нами в архивных документах случая освобождения русских рабов из Бухары, относящиеся как раз к началу XIX в. и носящие менее массовый характер, мы рассмотрим ниже, в основном тексте нашей статьи.

Все вышесказанное позволяет нам говорить о том, что случай С. Нур-Алиева выделяется из историй большинства посредников, освобождавших рабов-подданных Российской империи, сразу в двух отношениях. Во-первых, обычно подобные посредники попадали в поле зрения российских чиновников после освобождения раба от прежнего хозяина: посредник либо уже де-факто владел подданным Российской империи и был готов передать его на определенных условиях, либо вообще сначала передавал бывшего раба чиновникам, а затем поднимался вопрос о своем награждении. Кстати, вторая стратегия

поведения свидетельствует о том, что, независимо от политики в других вопросах, российские власти достаточно хорошо относились к лояльным посредникам в деле выкупа рабов, чтобы часть этих посредников оставляли награду за свое сложное дело на усмотрение чиновникам. В этом отношении особенно показателен случай Б. Каркынова, который подверг риску собственную жизнь и вложил крупную сумму в операцию по спасению русских рабов из Хивы, не имея вообще никаких гарантий, что его не арестуют при передаче этих рабов российским властям как беглого уголовного преступника. Напротив, С. Нур-Алиев, еще не освободив ни одного подданного Российской империи, уже обращался к оренбургскому губернатору, причем, как мы увидим далее, его обращение было достаточно своеобразным.

Во-вторых, С. Нур-Алиев планировал действовать именно на той территории, на которой деятельность посредников по выкупу рабов в целом не была эффективной и почти не практиковалась. При этом он мог без всяких сложностей и дополнительных согласований с российскими властями способствовать освобождению рабов, не покидая территорий киргизцев (т. е. земель, по современной терминологии, казахских жузов). Выше мы видели, что единственное выявленное нами спасение русских рабов из Хивы стало возможным благодаря деятельности султана Б. Айчувакова, не покидавшего при этом своего аула. К.-Г. Урманов сумел освободить двух рабов «из Орды».

И, таким образом, в итоге предложение С. Нур-Алиева на первый взгляд выглядит весьма странным. Власти Российской империи в XVIII–XIX вв. действительно активно сотрудничали с кавказской и центральноазиатской элитами по вопросам освобождения русских рабов. Однако один из киргизских султанов не нуждался ни в каких разрешениях, чтобы стать посредником в этом деле. Более того, С. Нур-Алиев почему-то не был готов освобождать рабов общим порядком на подконтрольной киргизским владельцам территории, вместо этого предлагая российской администрации амбициозные планы по вывозу подданных Российской империи из Бухары.

Хотел ли вообще С. Нур-Алиев посредничать в деле выкупа русских рабов из Бухары? Ниже мы увидим, что *нет*, и, более того, он даже не вводил российские власти в заблуждение по этому вопросу. Странности в его предложении оказываются связаны с социальной структурой подданных Российской империи, проживающих в Бухарском эмирате и неверными интерпретациями прошения султана российскими чиновниками. Эта история интересна уже сама по себе – но еще интереснее в контексте истории русских рабов в Бухаре и сложившихся в русскоязычной среде представлений о них.

2. Материалы и методы

Основным источником для нас послужит собственно переписка по предложению С. Нур-Алиева, составляющая отдельное небольшое дело в Объединенном государственном архиве Оренбургской области (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 997. Л. 1-12). В случае со многими сюжетами, связанными с центральноазиатским рабством, ключом к пониманию логики действующих лиц могут служить схожие ситуации, более подробно описанные в делопроизводственной документации российских властей. Однако, как мы видели выше, предложение С. Нур-Алиева просто не имело аналогов. Иными словами, мы имеем дело с «гапаксом» – «особенностью, зафиксированная лишь в одном единственном документе» (Гинзбург, 2004: 299).

К. Гинзбург рекомендует помещать гапакс в некую серию документов, в рамках которой он может быть адекватно проанализирован (Гинзбург, 2004: 299). Мы попытаемся понять историю с несостоявшейся поездкой С. Нур-Алиева в Бухару в контексте биографий основных действующих лиц, учитывая ведомственную принадлежность Чекалова. Но в первую очередь мы попытаемся соотнести сведения, сообщаемые С. Нур-Алиевым и Чекаловым о подданных Российской империи в Бухаре с записками побывавших там в первой половине XIX в. русских дипломатов и военных (Мейендорф, 1975; Записки..., 1983). Как отмечает К. Гинзбург, «наиболее отклоняющаяся от нормы документация потенциально содержит наиболее богатые результаты» (Гинзбург, 2004: 312). Мы увидим, что нарративы С. Нур-Алиева и Чекалова позволяют взглянуть на записки русских авторов о Бухаре под новым углом.

3. Обсуждение

Описания пребывания русских рабов в Бухаре начали появляться еще в XIX в. В частности, по итогам российского посольства в Бухару в 1820–1821 гг. одним из участников этого посольства, Е.К. Мейендорфом, была написана книга «Путешествие из Оренбурга в Бухару» (первое ее издание вышло в 1826 г. в Париже на французском языке) (Мейендорф, 1975: 9). В этой книге мы уже встречаемся с характерными особенностями большинства русскоязычных нарративов о рабстве в Бухаре: положение русских рабов в Хиве и Бухаре рассматривается как примерно идентичное и крайне тяжелое, акцент делается на тяжелом положении рабов, а вот сюжеты о том, что значительная их часть «обухарилась», по выражению Н.П. Игнатьева, и вообще в Бухаре, кроме рабов, есть и беглецы из пределов Российской империи, не рассматриваются. Е.К. Мейендорф прямо оправдывал потенциальные аресты бухарских купцов в России как своеобразное возмездие за бухарскую работорговлю: «Нужно видеть несчастных русских невольников в Бухаре и Хиве, чтобы воодушевиться пламенным желанием освободить их. <...>. Разве репрессалии, которые предпринимает русское правительство, задерживая во всей империи бухарцев и хивинцев с их товарами с целью заставить эти народы вернуть в Россию ее подданных, будут несправедливы или безуспешны?» (Мейендорф, 1975: 146). Автор даже утверждал, что бухарское правительство пыталось запретить выкупать русских рабов, хотя российское посольство смогло выкупить 10 человек (но архивные документы, по которым можно было бы уточнить биографии и статус этих людей, нам не известны) (Мейендорф, 1975: 146). Далее мы увидим, что в начале XIX в. было как минимум два случая освобождения подданных Российской империи из Бухары за выкуп, которым местные власти не мешали. О подданных Российской империи, вышедших в Бухару добровольно, Е.К. Мейендорф, напротив, не писал, хотя признавал, что начальником артиллерии эмира был некий «старый русский солдат» (Мейендорф, 1975: 140).

В целом в подобном же тоне выдержано большинство русскоязычных текстов XIX в. о центральноазиатском рабстве, хотя чаще в них идет речь о Хивинском ханстве, а не о Бухарском эмирате. Отдельно следует выделить тексты одного из классиков русской литературы, В.И. Даля, записавшего рассказы ряда рабов, вышедших из Хивы (Даль, 1838a: 188-211; Даль, 1838b: 81-86; Даль, 1839: 74-92). В результате к началу XX в. в российской историографии выстраивается представление о том, что присоединение к Российской империи Центральной Азии было обосновано борьбой с агрессией местных кочевников, выражавшейся в том числе и в набегах за рабами. Позволим себе привести характерную цитату из «Истории завоевания Средней Азии» М.А. Терентьева: «Много вынесла Россия грозных набегов со стороны диких кочевников, выходивших из той же Средней Азии. Узкоглазая, скуластая, злая фигура давно знакома была нашим предкам. Но как только преобразовалась и окрепла Русская земля, – она сама перешла в наступление» (Терентьев, 1903: XVI).

Только в советский период начали публиковаться бухарские свидетельства о местном рабстве. Здесь следует особенно выделить работу С.К. Исмаиловой «Документы о рабстве в Бухарском ханстве в XIX – начале XX в.», в которой описывалось положение исключительно рабов-мусульман – т. е., судя по этой работе, они составляли большую часть бухарских невольников (Исмаилова, 1973: 20-30). Более того, С.К. Исмаилова опубликовала документы о освобождении рабов их хозяевами, в одном из которых есть следующее, например, место: «И стал упомянутый освободившийся в результате правильного освобождения свободным, как другие свободные люди. (После этого) его нельзя продавать, подарить, оставить в наследство, отдавать за долг и в аренду или превратить в собственность. И не стало после чего у меня никаких прав касательства к этому освобожденному» (Исмаилова, 1973: 20-30).

В постсоветский период появились новые работы о рабстве в Центральной Азии, однако именно тема рабства в Бухарском эмирате в них почти не раскрыта. Соответственно, дореволюционный нарратив о тяжелейшем положении русских рабов в Бухаре остается вполне актуальным.

4. Результаты

Султан Сеит-Али Нур-Алиев и надворный советник Чекалов

К сожалению, о самом султানে Сеит-Али Нур-Алиеве до наших дней не дошло почти никакой информации. Выше мы упоминали, что он именовал себя «Сеит Галий Нургали

Хана сын» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 997. Л. 2). Соответственно, он был сыном Нурали-хана¹, правителя Младшего Жуза в 1749–1786 гг., фигуры достаточно примечательной, которой до сих пор посвящают отдельные исследования (Таймасов, 2009: 54-58). В целом многолетнее правление Нурали-хана окончилось его своеобразным крахом как правителя: именно в это время российская администрация резко усилило свой контроль за Младшим Жузом (Малой Ордой в терминологии той эпохи), а авторитет хана умалился настолько, что в конце своего правления «Нурали никак не контролировал власть в орде и оправдывался перед О.А. Игельстромом (уфимским и симбирским наместником – А.П.) своим бессилием» (Таймасов, 2009: 57). В то же время Нурали-хан до самого конца своего правления пытался сохранить хотя бы остатки прежней власти: он противодействовал учреждению специального Пограничного суда в Оренбурге, под судебную юрисдикцию которого попали бы его подданные, и, даже почти лишившись реальной власти, угрожал российским чиновникам тем, что «откочует вглубь Степи и прекратит всякие отношения со столицей генерал-губернаторства» (Васильев, 2017: 37, 39). В итоге российские чиновники фактически поддержали выступавшую против хана часть местной элиты, организовав его отстранение от власти (Васильев, 2017: 36-40).

История Нурали-хана интересна сочетанием двух аспектов. С одной стороны, к концу правления хан стал настолько непопулярен, что его власть в степи держалась исключительно на русских штыках, и в 1783 г. он прямо требовал от российских властей, по выражению С.У. Таймасова, «защиты от собственных подданных» (Таймасов, 2009: 57). С другой стороны, это не сделало его достаточно лояльным и удобным для российских властей правителем, и хан до самого конца пытался проводить собственную политику. Соответственно, мы должны учитывать, что формальная поддержка Российской империи правителями киргизцев, в том числе и С. Нур-Алиевым, могла быть порождена как внутренними убеждениями, так и желанием получать ответную поддержку от российских властей.

Последнее особенно актуально в случае с С. Нур-Алиевым потому, что он не был сколько-либо выдающимся или известным своей преданностью России правителем. Внимания позднейших исследователей его фигура не привлекала. Нам удалось найти только одно упоминание «Сеит-Али Нур-Али улы» в литературе по истории Казахстана: в 1817 г. он подписал письмо российским властям с просьбой снова сменить правителя Малой орды (т. е. Младшего Жуза), поставив «вместо хана Шир-Газы – султана Арын-Газы» (Материалы..., 1940: 316). Таким образом, мы имеем дело с крайне ординарным султаном Средней Орды (Среднего Жуза), не сумевшим никак проявить себя в крайне бурной политике степи конца XVIII–начала XIX в., когда фактическая инкорпорация региона в состав Российской империи вела к постоянным конфликтам в среде местной элиты.

Однако оренбургский губернатор Г.С. Волконский крайне заинтересовался личностью султана, предложившего свою помощь Российской империи, и даже просил Чекалова «примерно всмотреться в его характер и узнать о его в степи поведении» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 997. Л. 60б.). По причинам, о которых мы еще напишем ниже, встреча киргизского султана и русского чиновника так и не состоялась, однако Чекалов, даже еще не получив соответствующего предписания оренбургского губернатора, счел нужным дать характеристику С. Нур-Алиеву.

И характеристика эта была крайне критической. Согласно Чекалову, С. Нур-Алиев обладал «весьма посредственным рассудком» и «не имел такого уважения, чтобы народ киргизской был к нему предан и послушен» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 997. Л. 90б.). Безусловно, к характеристикам, даваемым российскими чиновниками представителям элиты регионов, включаемых в состав Российской империи, следует относиться крайне осторожно. Однако Чекалов приводил конкретный пример неудачной деятельности С. Нур-Алиева, судя по всему, повторявшего ошибки своего отца. Согласно Чекалову, С. Нур-Алиев не только не мог добиться послушания своих подданных, но и не придумал в этой ситуации ничего лучше, как обратиться к российским властям в 1812 г. с соответствующей жалобой (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 997. Л. 90б.). Оренбургская пограничная комиссия вмешалась в ситуацию, составив некое «подтверждение» к непослушным подданным султана, однако этим С. Нур-Алиев вызвал еще большее «против себя негодование» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 997. Л. 90б.).

¹ Нередко именуемого в русскоязычных текстах также «Нуралы-ханом».

Таким образом, в случае с несостоявшейся поездкой С. Нур-Алиева в Бухару важно понимать, что крайне амбициозный план выволить подданных Российской империи из Бухары и отодвинуть передовую сухопутную русскую военную базу в Центральной Азии далеко на юг предлагал не уважаемый и могущественный кочевой правитель, но человек, фактически всего год назад просивший российские власти навести порядок среди его собственных подданных. Не было и доказательств его безусловной лояльности Российской империи.

Большого внимания в исторической литературе удостоивался персонаж, который в разбираемых нами документах именуется «надворным советником Чекаловым» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 997. Л. 3). Нам не удалось полностью восстановить его биографию, однако на рубеже 1810–1820 гг. он был директором оренбургской таможни (Халфин, 1974: 153, 156). Такой крупный востоковед, как Н.А. Халфин, считал Чекалова «знатоком проблем, касавшихся экономических связей с государствами Средней Азии» (Халфин, 1974: 101). В этом качестве Чекалов выступал сторонником расширения торговли Российской империи с Бухарским эмиратом, доказывая, что эта торговля уже обогатила множество бухарских купцов, а вот многие русские купцы на ней вообще разорились или вынуждены были перенести торговлю из Оренбурга в Троицк (логика этого переноса заключалась в том, что важнейшим источником опасностей для торговли Российской империи и Бухарского эмирата являлось Хивинское ханство, а торговый путь Бухара-Троицк более удален от Хивы, чем Бухара-Оренбург) (Халфин, 1974: 102-103).

И здесь мы сталкиваемся с еще одной загадкой. Как правило, в рамках административного аппарата Российской империи первой половины XIX в. сношения оренбургских властей с киргизцами велись через Оренбургскую пограничную комиссию, которой были подчинены киргизские орды (или, в современной терминологии, казахские жузы). В позднейший период именно Оренбургская пограничная комиссия под руководством Г.Ф. Генса активно продвигала нарративы о тяжелейшем положении русских рабов в ханствах Центральной Азии, призывая к ответной жесткой политике. В частности, в 1831 г. Г.Ф. Генс подготовил записку «О находящихся в Хиве российских пленниках», в которой, по-видимому, впервые рассматривал вариант российской вооруженной интервенции в Хиву с целью освобождения оттуда подданных Российской империи, причем он, хотя и считал такой вариант действий опасным, утверждал, что эффективно противодействовать хивинской работоторговле можно только организовав «действия военные против Хивы» или «задержание Хивинских караванов» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3755. Л. 25). Однако предложение С. Нур-Алиева Г.С. Волконский передал на рассмотрение не членам оренбургской пограничной комиссии, но таможенному чиновнику. В соответствующем документе выбор Чекалова обосновывается так: «Ваше высокоблагородие должны быть сведомы о вышеизложенных заграничных обстоятельствах по прежнему занятию вашему сим предметом и по всегдашнему обращению с Азиатцами» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 997. Л. 3).

Таким образом, оказывается, что в 1810 гг. лучший специалист оренбургского губернаторства по центральноазиатским ханствам служил не в оренбургской пограничной комиссии, но в местной таможне. При этом он писал свое заключение на предложение С. Нур-Алиева до того, как окончательно утвердился российский нарратив о тяжелейшем положении русских рабов в Хиве и Бухаре. Наконец, его мнение делает крайне любопытным именно ведомственная принадлежность: как мы видели выше, обычно о подданных Российской империи в ханствах Центральной Азии писали люди, связанные с посольствами туда/оренбургской пограничной комиссией. Мы еще увидим, что таможенный чиновник оценивал положение подданных Российской империи в Бухаре принципиально иначе, чем представители этих ведомств.

Контекст: вышедшие из Бухары на рубеже 1800–1810 гг. рабы

Кроме того, нам важно понимать, что, судя по архивным документам о судьбе конкретных рабов, именно на рубеже 1800–1810 гг. выкупить раба из Бухары не было принципиально сложно. Мы уже упоминали, что в архивных документах нам пока удалось выявить только 3 случая освобождения подданных Российской империи из Бухары, причем 1 из этих случаев, самый массовый, относится к 1858 г., а 2 остальных – как раз к началу XIX в.

В 1809 г. к Г.С. Волконскому обратился с прошением некий Борковский (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 563. Л. 1-10б.). Из прошения следовало, что это был рядовой 2 оренбургского

гарнизонного батальона, почти 40 лет назад похищенный прямо с караула киргизцами и проданный ими в Бухару (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 563. Л. 1). Согласно прошению, ему удалось выйти из рабства одновременно простым и неожиданным способом: старый раб, чувствуя невозможность работать далее, «осмелился просить хозяина, коему я был продан, о отпуске меня из плена, на что он и согласился с заплатой ему денег трехсот шестидесяти золотых» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 563. Л. 1-10б.). В данном случае интересными оказывается сразу несколько фактов: во-первых, вопреки историям о полном бесправии русских рабов в Бухаре, оказывается, что конкретный раб имел крупную сумму денег в личном пользовании, которую сумел употребить для выкупа себя из рабства; во-вторых, вопреки нарративам русских авторов (в частности, Е.К. Мейендорфа) о том, что в Бухаре запрещали продажу русских для их освобождения из рабства, старик-раб без проблем смог выкупить себя у хозяина и уйти в Россию. В то же время мы бы не хотели, чтобы положение Борковского в Бухаре было идеализировано: по его признанию, за годы рабства он получил «смертоносных шесть ран» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 563. Л. 1). Наконец, заслуживает внимания и тот факт, что освобождение Борковского прошло абсолютно без всякого ведома российской администрации, но, когда он, вернувшись в Российскую империю, по старости и болезни попросил о какой-то помощи от властей, ему выдали 150 руб. именно в соответствии с именованным повелением Екатерины II о компенсации посредникам за освобождение подданных империи (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 563. Л. 1-6.). Таким образом, еще раз подтвердилось, что именно в вопросе освобождения русских рабов власти Российской империи были готовы платить крупные суммы, даже если раб уже был освобожден и даже если речь шла о самовыкупе.

В январе 1813 г. Г.С. Волконскому было подано еще одно прошение, от казачьего сына Петра Ломзякова (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 945. Л. 2-3). Это был даже не «обухарившийся» подданный Российской империи, но человек, родившийся в Бухаре «от пленных уральского войска казака Петра Ломзякова и козачки Аграфены Петровой» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 945. Л. 2). К сожалению, П. Ломзяков не сумел внятно изложить своей истории. Из его прошения следовало, что его отец в настоящее время живет в Уральске, т. е. каким-то образом тоже сумел выйти из Бухары, но никаких деталей этого не сообщалось (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 945. Л. 20б.). Мать в числе живых родственников не упоминалась и, следовательно, умерла или в рабстве в Бухаре, или освободившись и вернувшись в пределы Российской империи. Самого П. Ломзякова-младшего из рабства, однако, выкупил не отец, но некий «вышедший вместе со мной (т. е. с П. Ломзяковым-младшим – А.П.) солдат Иван Савельев» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 945. Л. 2). И теперь П. Ломзяков-младший просил власти как-то вознаградить И. Савельева за выкуп, причем его прошение было передано в Оренбургскую пограничную комиссию «на размышление и соображение с законными постановлениями», однако ответ оттуда в архивном деле отсутствует (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 945. Л. 1). И в итоге мы узнаем из прошения П. Ломзякова еще о 3 русских, в начале XIX в. сумевших вернуться из Бухары на родину, причем как минимум один из них был выкуплен у своего хозяина без всякого участия властей.

Следовательно, именно на рубеже 1800–1810 гг. выкуп подданных Российской империи из рабства в Бухарском эмирате не представлял собой особенно сложной задачи. Судя по прошениям вернувшихся на родину русских, бухарские власти не требовали от хозяев освобождать попавших к ним в рабство российских подданных, но и не препятствовали выкупу последних с последующим отъездом из Бухары. Соответственно, для лояльного Российской империи киргизского султана было вполне выполнимой задачей аналогичным образом купить в Бухаре нескольких русских рабов, отвезти их в Оренбург и передать местным властям.

Хронология и обстоятельства событий

С. Нур-Алиев обратился со своим предложением к Г.С. Волконскому 24 июля 1813 г. (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 997. Л. 2). Соответствующее его прошение крайне лапидарно и содержит небольшую преамбулу, четыре пронумерованных пункта и заключительную часть. Преамбулу имеет смысл привести полностью. Дословно она выглядит так: «Небезызвестно вашему сиятельству, что в бухарском владении должное число находится российского народа, по поводу чего и беру смелость о намереваемом и полезном для возвращения

таковых людей в Россию изъять» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 997. Л. 1). В четырех пунктах С. Нур-Алиев сообщал, что планирует взять с собой «отставного матроса Хазу Абдиева»; что Х. Абдиев будет служить переводчиком и узнавать, из каких конкретно мест происходят найденные подданные Российской империи – а С. Нур-Алиев будет сообщать оренбургскому губернатору об этом; что никакие деньги от казны ему не нужны; что султан берется еще и основать новое поселение на Сыр-Дарье, жители которого будут защищать торговые караваны (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 997. Л. 1-2). Но наиболее необычно и неожиданно заключение данного текста. В нем С. Нур-Алиев почему-то просил у оренбургского губернатора исходатайствовать у Александра I «о прощении тех людей», которых он собирался вывезти из Бухары, и даже называл их «беглыми людьми» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 997. Л. 2).

Эту особенность текста киргизского султана мы будем подробно рассматривать в следующем разделе нашей статьи, а пока констатируем лучше укладывающиеся в контекст факты. Предложение С. Нур-Алиева на первый взгляд было выгодно российским властям сразу в нескольких отношениях: оно позволяло не только вернуть подданных Российской империи из Центральной Азии, но и сделать более безопасной потенциально прибыльную, с точки зрения некоторых чиновников, торговлю Российской империи с Бухарским эмиратом, и при этом не требовало никаких расходов от казны.

Поэтому не удивительно, что Г.С. Волконский заинтересовался данным предложением, и уже 5 августа сообщил Чекалову о киргизском султани, который «изъявляет желание употребить себя к возвращению находящихся в Бухарии пленных и беглых российских людей на прежние их жительства без всякой выдачи ему от казны на сие денег» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 997. Л. 3). Тем не менее, губернатора, по-видимому, волновал вопрос о том, насколько реализуемы планы С. Нур-Алиева. Он прямо просил Чекалова дать ответ, «заслуживают ли предложения Султана Сетигалия внимания; есть ли к тому возможность, или сопряженность с неудобствами, или препятствиями» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 997. Л. 3об.). Особенно интересно, что после основного текста сохранившегося в архиве черновика предписания Чекалову другой рукой было дописано: «Вы не оставите Султана Сеит Галиева именем моим пригласить к себе и отобрать у него о заведении на Сырдарье волости подробнейших соображений и соотнести оные с возможностями» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 997. Л. 3об.). Судя по всему, Г.С. Волконский, как и мы, считал вполне возможной поездку киргизского султана в Бухару для выкупа там рабов и возврата в Россию беглых людей, и по этому вопросу ждал от Чекалова только общей оценки целесообразности такой поездки. А вот основание на Сыр-Дарье поселения, подконтрольного лояльному Российской империи правителю, вызвало у него больше вопросов, и он хотел, чтобы этот проект С. Нур-Алиева Чекалов обсудил с его автором лично и подробно.

Однако далее С. Нур-Алиев продемонстрировал на первый взгляд достаточно странное поведение. 13 августа Чекалов сообщил, что еще не встретился с киргизским султаном, а на его предложения «не смеет изложить утвердительного совсем мнения» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 997. Л. 4-4об.). С.Г. Волконский лично попытался организовать встречу, 19 числа написав С. Нур-Алиеву крайне любезное письмо (даже подписанное «с уважением и любовью к вашему степенству») (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 997. Л. 5-6.). В нем губернатор попросил султана прибыть к Чекалову и «иметь к нему <...> полную доверенность» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 997. Л. 5-6.). Однако одновременно Г.С. Волконский обратился к Чекалову, требуя отобрать у С. Нур-Алиева «подробнейшие сведения на бумаге», очевидно, теперь желая располагать не только мнением таможенного чиновника о проектах вывоза подданных Российской империи из Бухары и основания нового поселения на Сыр-Дарье, но и полноценным письменным описанием этих проектов (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 997. Л. 6об.). Складывается ощущение, что неприезд С. Нур-Алиева к российскому чиновнику вызвал у оренбургского губернатора сомнения в отношении амбициозных планов султана, однако Г.С. Волконский все еще испытывал определенные надежды на то, что организовать какие-то мероприятия на основе этих планов получится.

Но до Чекалова С. Нур-Алиев так и не доехал, а на письмо губернатора не ответил. Тем временем Чекалов, не дожидаясь встречи с султаном, написал масштабный рапорт, предполагая, что Г.С. Волконскому его мнение может быть нужно безотлагательно,

«для приведения в известное и решительное предположение удобства или опровержения его (С. Нур-Алиева – А.П.) плана» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 997. Л. 7–70б.).

Рапорт этот, помимо небольшой преамбулы, состоял из двух нумерованных и одной нenumерованной части. Первая нумерованная часть была посвящена собственно возможности вывоза подданных Российской империи из Бухары. Для нас особенно интересно, что Чекалов совершенно четко делил российских подданных в Бухаре на две группы: на «пленных Россиян всякого звания» и «беглецов магометанского закона» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 997. Л. 70б-80б.). Принципиально он считал возможным возврат на родину представителей как первой, так и второй группы. Однако пленных, по мнению Чекалова, С. Нур-Алиев мог только выкупить: «До сего времени не было еще примеров, чтобы бухарцы из уважения к какому-либо лицу сих пленных отпускали в Россию без получения по договору с выкупщиков следующих денег» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 997. Л. 8). Между тем, как мы помним, С. Нур-Алиев подчеркивал, что не планирует получать во время своей поездки в Бухару никаких денег от казны. В случае с беглецами проблема заключалась в том, что они были преступниками, подлежащими наказанию по российским законам (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 997. Л. 8-80б.). Соответственно, по мнению Чекалова, пленных С. Нур-Алиев мог вернуть, только употребив на это «свой капитал», а беглецов – если бы С.Г. Волконскому удалось получить прощение для них от императора (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 997. Л. 8-80б.). В итоге Чекалов использовал крайне витиеватую формулировку для оценки данного предложения киргизского султана: «Готовность Султана Сеит-алия Нур-алиева к услугам престола Государя Императора на возвращение в Россию из Бухарии пленных и беглых людей без всякой выдачи денег есть самая благонамеренная и заслуживающая уважения, ежели только она примет настоящие свои действия, в которой, однако ж, я заверить вашего сиятельства не могу» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 997. Л. 70б.-8.).

Гораздо однозначнее Чекалов писал о перспективах создания поселения под властью С. Нур-Алиева на Сыр-Дарье. Российский чиновник обращал внимание на то, что «киргиз-кайсацкой народ по образу их жизни не может с аулами своими, со скотом навсегда располагаться при одном избранном месте и к сооружению домостроительства совсем не склонный» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 997. Л. 9). Он напоминал, что С. Нур-Алиев не привел никакой конкретики об этом поселении: о том, сколько людей будет участвовать в этом проекте, согласны ли переселиться туда его подданные, готовы ли они в принципе защищать купеческие караваны на долгом пути (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 997. Л. 80б.-9.). Именно здесь Чекалов обращал внимание на то, что султан обладал «весьма посредственным рассудком» и «не имел такого уважения, чтобы народ киргизской был к нему предан и послушен». Эта критическая характеристика должна была показать, что С. Нур-Алиев просто не тот человек, который способен организовать переход своих подданных к оседлости. Вердикт Чекалова выглядел так: проект С. Нур-Алиева о создании нового поселения следует считать «неудобовозможным» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 997. Л. 80б.).

Наконец, заключительная нenumерованная часть содержала рассуждения самого Чекалова о перспективах торговли с Бухарским эмиратом (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 997. Л. 90б.-12). И нам она интересна, прежде всего, в том контексте, что у данного российского чиновника начала XIX в. куда больший интерес в рамках отношений с Бухарой вызвала караванная торговля, а не спасение русских рабов. Разумеется, подобная расстановка приоритетов могла быть связана с его принадлежностью к таможенному ведомству, заинтересованному в торговле, а не конфликтах с ханствами Центральной Азии. Однако следует учитывать и то, что большинство авторов нарративов о тяжелейшем положении подданных Российской империи в Бухаре были военными или дипломатами, заинтересованными в территориальной экспансии империи – поэтому их рассказы о тяжелых страданиях русских рабов в Бухаре и важности освобождения этих рабов тоже могли быть частично продиктованы ведомственными интересами.

В целом Чекалов писал о том, что не следует переоценивать полезность для Российской империи киргизских правителей. Его рассуждения на этот счет содержат как характерные для той эпохи ксенофобские выпады против неевропейского народа, киргизцев, которых он прямо именует «легкомысленными и необузданными», так и интересные содержательные рассуждения о том, что власть правителей у киргизцев непрочна, а большим уважением пользуются те батыри, «кои верховодствуют ими на всякие дерзкие поступки против

российских границ или грабежа караванов» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 997. Л. 10). Исходя из этого, Чекалов предлагал не пользоваться посредничеством С. Нур-Алиева в бухарских делах, но «сделать сношение с бухарским владельцем Мир-хай-даром» (Хайдар в современной транскрипции) (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 997. Л. 10). Таким образом, с его точки зрения, российские власти могли вести переговоры с бухарским правительством напрямую, что делало ненужным в том числе и посредничество местной элиты в выкупе русских рабов из Бухары.

Несмотря на подобный отзыв на проект С. Нур-Алиева, Г.С. Волконский все еще ждал более подробный «отзыв» от киргизского султана и просил сообщить ему, когда этот отзыв придет, «Особенной Запиской» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 997. Л. 120б.). Однако соответствующее архивное дело на этом заканчивается, так что, вероятно, никаких более бумаг от С. Нур-Алиева к оренбургскому губернатору не поступало.

Анализ нарративов

Вернемся теперь к первоначальному предложению С. Нур-Алиева С.Г. Волконскому. Для нас крайне важно зафиксировать, что в этом тексте нет никакой информации, которую можно увязать с русскими рабами в Бухаре и с намерением киргизского султана освобождать именно рабов. В приведенных нами выше цитатах упоминаются «*российский народ*» и «*беглые люди*», причем С. Нур-Алиев совершенно прямо писал, что собирается вывозить из Бухары именно «беглых людей», нуждающихся для возвращения в прощении от императора. И, с учетом этой особенности, наиболее логичным представляется предположить, что С. Нур-Алиев просто не планировал выкупать в Бухаре русских рабов. Для него «российским народом» в Бухарском эмирате выступали именно «беглые люди», т. е. не обращенные в рабство пленники, но лица, бежавшие из Российской империи в центральноазиатские ханства по собственной воле – категория, российскими авторами, напротив, замечаемая далеко не всегда. При этом, согласно Чекалову, С. Нур-Алиев в 1812 г. был в Бухаре и мог общаться там с подобными лицами непосредственно (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 997. Л. 80б.).

Наличие в Бухарском эмирате «беглецов магометанского закона» из Российской империи подтверждал и сам Чекалов, более того, специально оговаривая, что эти лица «будучи в Бухарии, по своей воле не стесняются работами: яко одной с ними религии; и всегда свободны обратиться в Россию» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 997. Л. 8). При этом Чекалов не исключал, что часть подобных людей желает вернуться в Российскую империю, но связывал это не с их плохим положением, но с тем, что эти беглецы могут хотеть «возвратиться в свои жительства к семействам» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 997. Л. 80б.).

А теперь вспомним, что, когда в 1858 г. Н.П. Игнатьев получил возможность реально вывести подданных Российской империи из Бухары, он столкнулся с тем, что многие из них «обухарились». Нам кажется уместным привести здесь объяснение Н.П. Игнатьева о том, почему большую часть людей, называемых им «личностями русского происхождения», он счел нужным оставить в Бухаре: «Дело было в принципе, в восстановлении нашего права на прежних русских подданных, в произведении известного, благоприятного для русского имени впечатления на бухарцев и наших пограничных жителей, а не в непрременном насильственном водворении в России людей, сделавшихся для нее чуждыми и излишними. На этом основании, всех обратившихся добровольно в магометанство и нежелающих вернуться в Церковь Христову, всех обремененных большим семейством и не изъявивших, несмотря на увещания моих спутников, желания вернуться в Россию, возвратил я эмиру, объявив ему и бывшим русским, что я оставляю их на попечении бухарского правительства, предполагая, что оно не оставит их своим покровительством» (Игнатьев, 1897: 225-226). Напомним также то, что, согласно архивным документам, из Бухары с И.П. Игнатьевым выразили желание вернуться исключительно русские, бывшие солдатами эмира, и члены их семей. Таким образом, несмотря на всю риторику о тяжелом положении русских рабов в Бухаре, фактически, получив, наконец, реальную возможность централизованно освободить всех этих рабов, российские дипломаты обнаружили, что эти рабы, кроме солдат эмира, или мусульманского вероисповедания, или имеют большие семьи из местных, или не хотят возвращаться в Россию.

Это, разумеется, не значит, что в Бухарском эмирате не было русских рабов, подвергавшихся тяжелым истязаниям (пример подобного раба, Борковского, мы приводили

выше). Однако рассмотренные нами факты позволяют однозначно говорить о том, что существенная (а, вероятно, даже *большая*) часть подданных Российской империи находилась в Бухаре добровольно, являясь не пленниками, а беглецами. При этом следует дифференцировать ситуацию с русскими рабами в Бухаре (откуда, как мы видим, после разрешения вернуть русских рабов, реально уехало в Россию около 10 человек) и Хиве (откуда только в преддверии Хивинского похода 1839–1840 гг. в рамках попыток нормализовать отношения с Российской империей в 1837 г. ханом было возвращено 25 человек (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4646/1. Л. 65), в 1839 г. 80 человек (Ermachkov, 2021: 27), а по итогам самого похода – 416 человек (Иванин, 1874: 157). Напомним и процитированные нами выше слова одного из наиболее лояльных Российской империи киргизских султанов, Б. Айчувакова, который призывал своих подданных, чтобы они «служили Российскому правительству усердно, особенно старались бы вывозить из Хивинского владения Русских пленников» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4941. Л. 15-150б.). Как мы видим, этот безусловно разбиравшийся в региональной ситуации человек считал самой важной задачей спасение русских из Хивы – а Бухару не упоминал вовсе.

В то же время мы бы не хотели впадать в другую крайность и преуменьшать значение фактора русских рабов в Бухарском эмирате. В определенном смысле российским чиновникам данный фактор даже мешал адекватно воспринимать реальность: Г.С. Волконский и Чекалов по сути «вчитали» в текст С. Нур-Алиева то, что он планирует употребить себя к возвращению находящихся в Бухарии не только «беглых», но и «пленных» российских людей. Как мы помним, оренбургский губернатор писал о том, что С. Нур-Алиев «изъявляет желание употребить себя к возвращению находящихся в Бухарии *пленных* (курсив наш – А.П.) и беглых российских людей», т. е. «пленные» в этой цитате идут даже раньше «беглых», хотя в оригинальном предложении киргизского султана они не упомянуты вовсе! Судя по всему, для российских чиновников была просто невозможна ситуация, в рамках которой человек, поехавший в Бухару возвращать подданных Российской империи, игнорировал бы при этом нахождение там русских рабов. Между тем как раз то, что рабы С. Нур-Алиева не интересовали, совершенно логично объясняет то, почему он не просил на их выкуп денег из казны: он не собирался выкупать рабов на «свой капитал», но просто предполагал оставить их у прежних хозяев. Кстати, отказ от получения денег из казны в предложении С. Нур-Алиева дословно звучит так: «*проезд* (курсив наш – А.П.) мой с ним (матросом Х. Абдиевым – А.П.) не ищет от казны выдачи денег» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 997. Л. 10б.). Как мы видим, султан совершенно прямо писал, что деньги ему будут нужны только на проезд, ни словом не упоминая о выкупе рабов.

Таким образом, переписка о несостоявшейся поездке С. Нур-Алиева в Бухару является свидетельством еще и коммуникативной неудачи при взаимодействии российских чиновников с киргизским султаном. С. Нур-Алиев вообще не планировал становиться посредником при выкупе рабов: это желание приписали ему Г.С. Волконский и Чекалов. Сам же степной правитель вызывался только вывезти из Бухары русских беглых, которым власти даруют прощение. И теперь становится ясным, почему С. Нур-Алиев обратился к Г.С. Волконскому до своей поездки в Бухару, чего никогда не делали посредники, отправляясь на выкуп рабов: для возвращения в Российскую империю не рабов, а беглых, что признавал и Чекалов, было необходимо предварительно получить для них прощение от Александра I.

Кстати, ошибочная интерпретация намерений С. Нур-Алиева может объяснять и то, почему он с определенного момента просто перестал выходить на связь с российскими властями. Ему приписали то желание, которого он никогда не выражал, и которое могло существенно осложнить его поездку в Бухару: он желал вывезти оттуда свободных людей по их воле, а российские власти потребовали от него описаний того, как он собрался там на свой счет и без компенсации от казны выкупать рабов, не все из которых были готовы вернуться в Россию.

Остается неясным только то, зачем С. Нур-Алиев, явно переоценивая свои возможности, обещал основать поселение на Сыр-Дарье. Однако в данном случае мы воздержимся от предположений, поскольку набор вариантов слишком широк: от ошибки переоценившего свои возможности действительно не слишком умного султана до желания, подобно отцу, откочевать в глубь степи от слишком бдительного надзора российских властей, но, в отличие от отца, с их ведома и формально исполняя их волю.

Почему бухарский эмир не освободил русских рабов?

Остается ответить на последний вопрос. Если отношения российских и бухарских властей в принципе позволяли, как считал Чекалов, решать важные вопросы напрямую, почему до 1858 г. русские рабы в Бухаре не были освобождены?

Чтобы получить ответ на этот вопрос, рассмотрим некоторые аспекты истории российско-бухарских отношений начала XIX в. В марте все того же 1813 г. Г.С. Волконский написал письмо эмиру Хайдару, призывая его торговать с Россией (Халфин, 1974: 99-100). Согласно интерпретации А.Д. Васильева, в 1815 г. эмир Хайдар в ответ направил в Российскую империю посольство во главе с Мухаммед Юсуф беем, однако российские власти отказались рассматривать это посольство в качестве официального (Васильев, 2014: 122-123). Отправившийся далее в Османскую империю, М. Юсуф бей сообщал там, что 8 месяцев ждал аудиенции у Александра I, но не дождался (Васильев, 2014: 122). Понятно, что в 1815 г., когда еще шел Венский конгресс, занимавшийся переустройством Европы после наполеоновских войн, у центральных российских властей были более актуальные задачи, чем выручка русских рабов из Бухары. Однако в то же время вполне естественно и то, что подобные ситуации не способствовали желанию бухарских властей целенаправленно освобождать подданных Российской империи.

К сожалению, «Путешествие из Оренбурга в Бухару» Е.К. Мейендорфа не содержит описания собственно переговоров российского посольства с бухарскими властями. Однако те характеристики, которые даются в этой книге бухарским правителям, никак не совместимы со сколько-либо дружественными, не говоря уже о союзных, отношениями: «Множество правительственных чиновников в Бухаре должны рассматриваться как отбросы нации: только бедняки или властолюбцы вступают в их ряды»; «Честные люди и те, кому есть, на что жить, избегают общественных обязанностей и соседства с ханом»; «Хан, внешне преисполненный благочестия, не считает нужным в чем-то себя ограничивать, предается разврату» (Мейендорф, 1975: 132-133).

Зато о своих переговорах с бухарскими властями подробно писал П.И. Демезон, чиновник оренбургской пограничной комиссии, под видом татарского муллы из Российской империи ведший переговоры с бухарскими властями в 1833–1834 гг. (Записки..., 1983: 8-11). Он приводит следующую отповедь, сделанную ему бухарским кушбеги (вторым лицом в государстве) Мухаммадом Хахим бием: «Русский посол, приехавший несколько лет назад, обещал нам бог знает чего – и то, что таможенные пошлины будут снижены, и что обязательно каждый год русский военный отряд будет сопровождать один наш караван. А что же на самом деле? Пошлины до сих пор остаются прежними. Военный отряд, обязанный сопровождать и охранять наш караван до самой Бухары, бросает его, оставляя на разграбление, и при этом не сообщает нам ничего о том, перешел ли караван Сырдарью, где он сейчас находится и то, что его больше никто не охраняет... Что же нам делать, если и дальше дела будут обстоять подобным образом?» (Записки..., 1983: 43). Характерно, что своего ответа на эти обвинения российский чиновник не сообщает, ограничиваясь указанием на то, что они почему-то показались ему «неискренними» (Записки..., 1983: 43).

Именно в подобных условиях П.И. Демезон обсуждал с бухарскими властями освобождение русских рабов: не в качестве официального посла, но в качестве татарского муллы из Российской империи, не способного дать внятный ответ на обвинения бухарских властей в том, что Россия не выполнила свои обещания перед ними. При этом П.И. Демезон, в целом повторяя традиционный для русскоязычных авторов нарратив о тяжелейшем положении «русских пленников»¹ в Бухаре, в то же время признавал, что «с ними обращаются менее варварски, чем в Хиве», в самой Бухаре не более 100 «русских пленников», а в остальном эмирате, «как говорят» – 400 (Записки..., 1983: 25). Но любопытнее всего то, что он зафиксировал привоз в Бухару 5 русских и 2 поляков, вот только захваченных не в пределах Российской империи, а в Персии – это были солдаты персидской армии, в которую в то время активно принимали российских дезертиров (Записки..., 1983: 25). Таким образом, мы снова сталкиваемся с неоднозначной ситуацией,

¹ Обратим внимание, что российские чиновники в Центральной Азии фиксировали численность не рабов-подданных Российской империи, а именно «русских пленников», причем критерии включения в эту категорию были не вполне прозрачны (Peretyatko, 2023: 619-632).

причем принципиально новой: в Бухаре беглыми, которым не стоило возвращаться в Россию без помилования, оказывается, были не только «беглецы магометанского закона», но и некоторые русские рабы.

В итоге позиция П.И. Демезона при переговорах с бухарскими властями об освобождении рабов сводилась к тому, что этим властям стоит без всяких условий и ответных требований освободить несколько русских рабов и «проявить тем самым дружелюбие к нашему правительству» (Записки..., 1983: 25). После долгих переговоров (в том числе и со ссылками с бухарской стороны о том, что мусульманин не может освободить неверного для возвращения в немусульманскую страну), кушбеги сообщил русскому чиновнику, что эмир не дал согласия освободить каких бы то ни было рабов, но, вероятно, «будет более сговорчив, когда примет посольство его величества государя императора» (Записки..., 1983: 50). Более того, кушбеги выразил согласие каждый год отпускать в Россию 4-5 невольников, но тайно, без официальной огласки (Записки..., 1983: 50). П.И. Демезону лично удалось освободить без огласки 4 человек, не вполне ясно, с ведома бухарских властей или нет (Записки..., 1983: 50)¹.

Еще любопытнее сведения, сообщаемые И.В. Виткевичем, посетившим Бухару в крайне невнятном статусе в 1835–1836 гг. (российский прапорщик выехал в подконтрольную Российской империи «степь» и почему-то счел нужным доехать до Бухары, хотя прямого приказа об этом ему дано не было) (Записки..., 1983: 12-15). И.В. Виткевич вообще утверждал, что в Бухаре всего около 25 «русских пленников», из них до 20 принадлежат эмиру, а в эмирате «может быть, наберется еще до 50, и то старики, прежнего привоза» (Записки..., 1983: 115). Подобное различие в оценке численности «русских пленников» в Бухарском эмирате П.И. Демезоном и И.В. Виткевичем, вероятно, связано с тем, что «беглых татар наших» последний считал отдельно, причем утверждал, что их в Бухаре «великое множество» (Записки..., 1983: 116). И.В. Виткевич приводил и биографии отдельных «пленников», причем все они уже или были свободны, или служили в войсках эмира (Записки..., 1983: 115-116). Два «пленника», биографии которых И.В. Виткевич приводил наиболее подробно, были одновременно и беглецами от российского правосудия: это были дезертиры, захваченные в степи киргизцами и проданные в Бухару (Записки..., 1983: 115). Оба они якобы хотели вернуться в Россию, но один из них женился на местной женщине и не хотел бросать детей, а второй боялся наказания (Записки..., 1983: 115).

Таким образом, фактически из текста И.В. Виткевича следует, что собственно русских рабов в Бухаре к 1830 гг. почти не осталось: даже небольшое имеющееся число «пленников» в основном составляли старики или воины эмира (что, кстати, хорошо соотносится с тем, что в 1858 г. Н.П. Игнатьев освободил в Бухаре исключительно последних). При этом заметную их часть составляли беглецы, преступники по российским законам, чаще всего дезертиры, для которых возвращение в Россию было проблематично. Тем не менее, И.В. Виткевич якобы устроил настоящую выволочку уже знакомому нам кушбеги М. Хаким бию, которую описывал следующим образом: «Я представлял ему, что он обязался посольству нашему не держать пленных. <...>. Русский в Бухаре есть какое-то безответное существо, на которое всякий может наложить руку и между тем, как те же самые купцы (незадолго до этого власти Российской империи задержали ряд бухарских купцов и потребовали от них дать расписки освободить русских пленников – А.П.) содержат русских невольников, не считая их даже и людьми» (Записки..., 1983: 107). Как нам представляется, И.В. Виткевич мог преувеличить или даже выдумать свою смелость перед лицом бухарского чиновника – но, если он действительно говорил с ним так, едва ли подобные «переговоры» могли способствовать освобождению оставшихся русских рабов.

Таким образом, мы можем видеть, что в 1810–1830 гг. российские власти много сделали, чтобы испортить отношения с Бухарой: в 1815 г. не признали официальный статус бухарского посла, а в 1830 гг. вместо полноценных посольств, несмотря на явную

¹ Сам П.И. Демезон был уверен, что действует скрытно и в тайне от властей, но позднее М. Хаким бий утверждал, что бухарским властям было прекрасно известно, что с ними ведет переговоры не татарский мулла, а российский чиновник (Записки..., 1983: 108). Соответственно, какие-то «секретные», с его точки зрения, действия П.И. Демезона могли быть на самом деле известны бухарским властям.

заинтересованность в этом бухарской стороны, допускали до переговоров с ней сперва чиновника инкогнито, под видом муллы, а затем прапорщика, не имеющего даже официального приказа на посещение Бухарского эмирата (!). Подобное поведение российских властей может показаться странным, но нам кажутся очень верными следующие рассуждения британского ученого А. Моррисона: «My contention is that the ruling elite of the Russian empire became much less willing to tolerate what it saw as the insolence and insubordination of steppe nomads and the khanates that lay beyond them. For the Napoleonic generation the steppe world of multiple allegiances, shifting sovereignty and indeterminate borders had to be forced to acknowledge both the superiority of Russian civilisation and the reality of Russian power» (Morrison, 2021: 55-56). Обратим внимание, что готовый к сотрудничеству с Бухарой Г.С. Волконский был вельможей еще екатерининских времен (он родился в 1742 г.). Поэтому вполне естественно, что бухарские власти в первой половине XIX в. не спешили идти навстречу требованиям российских посланцев (особенно тех, кто не имел официального статуса) и централизованно отпускать русских рабов на родину.

При этом реально число этих рабов было достаточно невелико. Преувеличивать их количество российским властям помогало введение категории «русских пленников», в которую попадали не только захваченные на российской территории рабы, но и люди, сами сбежавшие в степь, русские дезертиры, попавшие в Бухару из персидской армии, дети бывших русских рабов и бухарских женщин и т. д. Тем не менее, даже с учетом всех этих категорий людей П.И. Демезон в 1830 г. насчитал в Бухарском эмирате около 500 «русских пленников». И.В. Виткевич в это же десятилетие без учета «беглых татар» не нашел в Бухарском эмирате и 100 «русских пленников». Соответственно, вполне логично, что в целом в первой половине XIX в. российские власти не пытались форсировать решение проблемы русских рабов в Бухарском эмирате, ограничиваясь отдельными и не слишком системными акциями в этом направлении.

Нарратив же о русских рабах, тяжело страдающих в Бухаре, следует рассматривать как конструкт, основанный не столько на реальных, но немногочисленных фактах освобождения отсюда невольников, в том числе и серьезно пострадавших в рабстве, сколько на универсализации представлений о русских рабах в Центральной Азии, которые создавались на основании историй подобных рабов преимущественно в киргизской степи и Хивинском ханстве, а не в Бухарском эмирате. Следует учитывать и то, что этот нарратив хорошо укладывался в представление о «superiority of Russian civilisation» по выражению А. Моррисона: в его рамках Российская империя выступала благой силой, спасающей невинных от азиатских дикарей. Опираясь на этот нарратив, можно было оправдать почти любые действия против бухарцев (напомним, что И.В. Виткевич, собственно, и делал это, доказывая, что российское правительство имело полное право задержать бухарских купцов, как владеющих русскими рабами).

Иронично, однако, что, по утверждению И.В. Виткевича, на его грубые обвинения в содержании русских рабов кушбеги М. Хаким ответил: «Русские сами держат мужиков своих в рабстве» (Записки..., 1983: 107).

5. Заключение

Итак, на первый взгляд частная и локальная несостоявшаяся миссия С. Нур-Алиева в 1813 г. в Бухару может служить ключом как минимум к двум значимым выводам.

1) Социальная структура подданных Российской империи, проживавших в Бухарском эмирате, существенно отличалась от представлений о ней, наиболее распространенных в русскоязычных источниках и историографии. Российские путешественники, побывавшие в Бухаре в первой половине XIX в., как правило, военные или дипломаты (Е.К. Мейендорф, П.И. Демезон, И.В. Виткевич), рисовали крайне безрадостную картину жизни русских «пленников»/«невольников» в Бухарском эмирате. Однако, согласно С. Нур-Алиеву и Чекалову, значительную долю подданных Российской империи в Бухаре составляли «беглые»/«беглецы», лица, сами бежавшие из пределов Российской империи и подлежащие, в случае возвращения, судебному преследованию.

Более того, при внимательном чтении нарративов Е.К. Мейендорфа, П.И. Демезона и И.В. Виткевича становится видно, что в числе «пленников» ими упоминаются подданные Российской империи, служащие в войсках бухарского эмира. П.И. Демезон и И.В. Виткевич

приводят конкретные данные численности «русских пленников» в Бухаре, из которых видно, что их число было крайне невелико, зато последний упоминает о проживании там многочисленных «беглых татар наших». Наконец, И.В. Виткевич упоминает и о том, что двое опрошенных им невольников, якобы желавших вернуться в Российскую империю, реально не готовы были этого сделать, один – из-за наличия семьи в Бухаре, а второй – опасаясь наказания. И в 1858 г., когда российские власти реально централизованно освободили русских рабов в Бухаре, в Россию вернулось всего 10 людей, включая 1 персиянку-жену русского, и это были преимущественно солдаты эмира.

Таким образом, можно однозначно утверждать, что при описании тяжелейшей участи значительного числа русских рабов в Бухаре в XIX в. у ряда российских авторов универсальное представление о тяжести положения многочисленных русских рабов в Центральной Азии превалирует над реальными фактами социальной структуры конкретного эмирата.

2) В то же время было бы ошибкой обвинять на этом основании российские власти и отдельных русских авторов в сознательной лжи, своеобразном очернительстве Бухарского эмирата. О специфике картины мира российских властей прекрасно говорит тот факт, что, когда С. Нур-Алиев достаточно ясно выразил желание вернуть из Бухары в Российскую империю «беглых людей», которые получают помилование от Александра I, Г.С. Волконский и Чекалов приписали ему желание освободить «пленных <...> российских людей». Освобождение обращаемых в рабство пленных было важной задачей властей Российской империи XIX в. в Центральной Азии и на Кавказе, и поэтому достаточно естественно, что сам факт наличия русских рабов в Бухаре вызывал у русских авторов резко негативную реакцию, мешающую объективно воспринимать реальность.

При этом основания для обвинений в содержании в рабстве русских людей бухарские власти безусловно давали. Несмотря на их относительную малочисленность по сравнению с Хивой, русские рабы достаточно регулярно освобождались из Бухары: как мы видели, как минимум 3, а возможно и 4 человека вышли из Бухары в начале XIX в. вообще без помощи российских властей, выкупая себя/других рабов; российское посольство в Бухару в 1820–1821 гг. выкупило 10 человек; 4 человек в 1833–1834 гг. освободил П.И. Демезон. К этому добавлялась своеобразная коммуникативная проблема: российские власти регулярно требовали от бухарского эмира освобождать русских рабов, причем чаще не через официальные посольства, а через разного рода эмиссаров; бухарские чиновники в целом не торопились отвечать согласием, выдвигая ответные условия и иногда даже ссылаясь на полную невозможность отпустить неверных в немусульманскую страну. Соответственно, бухарские власти действительно не освобождали русских рабов, что давало дополнительные основания для их обвинений.

3) Наконец, несостоявшаяся поездка С. Нур-Алиева в Бухару в 1813 г. вполне интересна и сама по себе, раскрывая некоторые особенности взаимоотношений российских властей и киргизских правителей Степи. Здесь важнее всего сочетание следующих двух обстоятельств: во-первых, С. Нур-Алиев не был ни особенно могущественным, ни особенно лояльным Российской империи султаном, и о каких-либо других его значимых акциях в поддержку русского присутствия в Центральной Азии неизвестно; во-вторых, С. Нур-Алиев брался не только вывезти из Бухары беглых подданных Российской империи (что, как мы видели выше, было вполне реализуемо), но и обещал основать поселение на Сыр-Дарье, которое защищало бы караванную торговлю. Трудно не согласиться с Чекаловым в том, что не пользовавшийся особым влиянием и уважением киргизский султан, только недавно просивший российские власти повлиять на его подданных для обеспечения их лояльности, едва ли мог выполнить столь амбициозный проект.

Соответственно, С. Нур-Алиев хотел получить от российских властей разрешение на выполнение задания, которое оказалось бы ему не по силам. В дополнение к этому, как мы видели выше, киргизский султан сформулировал свое прошение Г.С. Волконскому так, что оренбургский губернатор неверно его понял, решив, что С. Нур-Алиев будет освобождать из Бухары и русских рабов. И здесь интересно замечание Чекалова о «весьма посредственном рассудке» киргизского султана. Если бы предложение С. Нур-Алиева оказалось принято, он бы сделал не то, чего от него ждали российские власти – но, с другой стороны, и сами эти

власти вместо внимательного анализа предложения султана трактовали его в привычных им универсалиях деятельности посредников по освобождению русских рабов.

И, таким образом, здесь мы снова сталкиваемся с коммуникативными проблемами при контакте российских властей с центральноазиатским владельцем, а также с тем, что российские чиновники в большей степени исходили не из реальных фактов конкретной ситуации, а из своих универсальных представлений (в данном случае о представителе местной элиты, который, выражая желание вернуть представителей «русского народа» из Бухары, не может не включать в число этих представителей и русских рабов). Соответственно, не следует считать уникальными подобные коммуникативные проблемы, возникающие из-за попыток российских чиновников оценивать реалии Центральной Азии исходя, в первую очередь, из своей картины мира, под которую подгонялись реальные факты. Впрочем, в их защиту следует отметить, что даже лояльность киргизских владельцев и наличие вторых смыслов в их предложениях российской власти оценить было сложно: как мы видели из случаев С. Нур-Алиева и его отца Нурали-хана, внешняя лояльность могла порождаться тем, что самая власть степного правителя могла держаться на русской поддержке и закончиться вместе с ней.

И поэтому, хотя документация, связанная несостоявшейся поездкой С. Нур-Алиева в Бухару, помогла нам ответить на целый ряд вопросов, мы едва ли сможем когда-либо узнать, что заставило его предложить Г.С. Волконскому эту поездку: был ли султан лоялен Российской империи и желал помочь ей, обещали ли ему что-то русские беглецы в Бухаре в 1812 г., когда он посещал этот город, хотел ли он укрепить свое положение, оказав российским властям услугу, о которой узнает сам император, или он вообще хотел, сохранив поддержку Российской империи, уйти за пределы контролируемой ей части степи, что некогда грозил сделать его отец.

Литература

Васильев, 2014 – *Васильев А.Д.* Знамя и меч от падишаха. Политические и культурные контакты ханств Центральной Азии и Османской империи (середина XVI – начало XX вв.). М., 2014. 356 с.

Васильев, 2017 – *Васильев Д.В.* Массовые народные движения как инструмент российской региональной политики в Казахской степи в конце XVIII в. (на примере движения Сырыма Датова) // *Вестник Московского университета. Серия 8. История.* 2017. № 1. С. 31-43.

Гинзбург, 2004 – *Гинзбург К.* Микроистория: две-три вещи, которые я о ней знаю // *Гинзбург К.* Мифы – эмблемы – приметы: Морфология и история. М., 2004. 345 с.

Даль, 1838a – *Даль В.И.* Рассказ невольника, хивинского уроженца Андрея Никитина. 1830 // *Альманах «Утренняя заря».* СПб., 1838. С. 188-211.

Даль, 1838b – *Даль В.И.* Рассказ хивинского пленника Федора Федорова Грушина // *Литературное прибавление к Русскому инвалиду.* 1838. № 5. С. 81-86.

Даль, 1839 – *Даль В.И.* Рассказ вышедшего из хивинского плена астраханского мещанина Тихона Иванова Рязанова // *Альманах «Утренняя заря».* СПб., 1839. С. 74-92.

Записки..., 1983 – *Записки о Бухарском ханстве (Отчеты П.И. Демезона и И.В. Виткевича).* М., 1983. 149 с.

Иванин, 1874 – *Иванин М.И.* Описание Зимнего похода в Хиву в 1839–1840 году. СПб., 1874. 268 с.

Игнатьев, 1897 – *Игнатьев Н.П.* Миссия в Хиву и Бухару в 1858 году флигель-адъютанта полковника Н. Игнатьева. СПб., 1897. 278 с.

Исмаилова, 1973 – *Исмаилова С.К.* Документы о рабстве в Бухарском ханстве в XIX – начале XX в. // *Известия Академии наук Таджикской ССР. Отделение общественных наук,* № 2 (72). 1973. С. 20-30.

Клычников, Цыбульникова, 2011 – *Клычников Ю.Ю., Цыбульникова А.А.* «Так буйную вольность законы теснят...»: борьба российской государственности с хищничеством на Северном Кавказе (исторические очерки). Пятигорск, 2011. 255 с.

Материалы..., 1940 – *Материалы по истории Казахской ССР (1785–1828 гг.).* Т. IV. М., Л.: 1940. 543 с.

Мейендорф, 1975 – *Мейендорф Е.К.* Путешествие из Оренбурга в Бухару. М., 1975. 180 с.

ОГАОО – Объединенный государственный архив Оренбургской области.

Таймасов, 2009 – Таймасов С.У. Об отношениях башкир с казаками Младшего жуза в период правления Нурали-хана // *Вестник Челябинского государственного университета*. 2009. № 37 (175). С. 54–58.

Терентьев, 1903 – Терентьев М.А. История завоевания Средней Азии. Т. I. СПб., 1903. 512 с.

Халфин, 1974 – Халфин Н.А. Россия и ханства Средней Азии. М. 1974. 406 с.

Cherkasov, 2020 – Cherkasov A.A. The Circassian Slave Narratives (A Documentary Collection) // *Bylye Gody*. 2020. Vol. 57-1. Is. 3-1 (Special issue). Pp. 1415-2266.

Ermachkov, 2021 – Ermachkov I.A. Russian Official Correspondence on the Return of Russian Prisoners from the Khiva Khanate in 1839 // *Slavery: Theory and Practice*. 2021. 6(1). Pp. 26-34.

Galimov et al., 2017 – Galimov Y.A., Ksenzhih G.N., Atygayev N.A., Tuleshova U.Z. Sultan-rulers as Officials of Russian Empire (1824–1868) // *Bylye Gody*. 2017. 44(2) Pp. 468-477.

Morrison, 2021 – Morrison A. The Russian Conquest Of Central Asia: A Study In Imperial Expansion, 1814–1914. Cambridge, 2021. 641 p.

Peretyatko, 2023 – Peretyatko A.Yu. Captives, Slaves, Freeman: Some Aspects of the 19th century Central Asia Former Russian Slaves' Testimonies as a Historical Source // *Bylye Gody*. 2023. 18(2): 619-632.

Rajović et al., 2017 – Rajović G., Ezhevski D.O., Vazerova A.G., Trailovic M. The Exchange of Prisoners as a New Form of the Russian-Circassian Dialogue at the Beginning of the 19th Century: Part I // *Bylye Gody*. 2017. 46(4). Pp. 1261-1274.

References

Cherkasov, 2020 – Cherkasov, A.A. (2020). The Circassian Slave Narratives (A Documentary Collection). *Bylye Gody*. 57-1. Is. 3-1 (Special issue): 1415-2266.

Dal', 1838a – Dal', V.I. (1838). Rasskaz nevol'nika, khivinskogo urozhentsa Andreya Nikitina. 1830 [The story of a slave, a khivan denizen Andrei Nikitin. 1830]. *Al'manakh «Utrennyaya zarya»*. Saint-Petersburg. Pp. 188-211. [in Russian]

Dal', 1838b – Dal', V.I. (1838). Rasskaz khivinskogo plennika Fedora Fedorova Grushina [The story of khivan captive Fedor Fedorov Grushin]. *Literaturnoe pribavlenie k Russkomu invalidu*. 5: 81-86. [in Russian]

Dal', 1839 – Dal', V.I. (1839). Rasskaz vyshedshego iz khivinskogo plena astrakhanskogo meshchanina Tikhona Ivanova Ryazanova [The story of an Astrakhan burgher Tikhon Ivanov Ryazanov who left khivan captivity]. *Al'manakh «Utrennyaya zarya»*. Saint-Petersburg. Pp. 74-92. [in Russian]

Ermachkov, 2021 – Ermachkov, I.A. (2021). Russian Official Correspondence on the Return of Russian Prisoners from the Khiva Khanate in 1839. *Slavery: Theory and Practice*. 6(1): 26-34.

Galimov et al., 2017 – Galimov, Y.A., Ksenzhih, G.N., Atygayev, N.A., Tuleshova, U.Z. (2017). Sultan-rulers as Officials of Russian Empire (1824–1868). *Bylye Gody*. 44(2): 468-477.

Ginzburg, 2004 – Ginzburg, K. (2004). Mikroistoriya: dve-tri veshchi, kotorye ya o nei znayu [Microhistory: Two or Three Things That I Know about It]. *Ginzburg K. Mify-emblemy-primety: Morfologiya i istoriya*, Moscow, 345 p. [in Russian]

Ignat'ev, 1897 – Ignat'ev, N.P. (1897). Missiya v Khivu i Bukharu v 1858 godu fligel'-ad'yutanta polkovnika N. Ignat'eva [Mission to Khiva and Bukhara in the year 1858 by Flügeladjutant Colonel N. Ignat'ev]. Saint-Petersburg, 278 p. [in Russian]

Ismailova, 1973 – Ismailova, S.K. (1973). Dokumenty o rabstve v Bukharskom khanstve v XIX – nachale XX v. [Documents about slavery in the Khanate of Bukhara in the 19th – early 20th centuries]. *Izvestiya Akademii nauk Tadzhikskoi SSR. Otdelenie obshchestvennykh nauk*. 2(72): 20-30. [in Russian]

Ivanin, 1874 – Ivanin, M.I. (1874). Opisanie Zimnego pokhoda v Khivu v 1839–1840 godu [Description of the Winter Campaign to Khiva in 1839-1840]. Saint-Petersburg, 268 p. [in Russian]

Khalfin, 1974 – Khalfin, N.A. (1974). Rossiya i khanstva Srednei Azii [Russia and the khanates of Central Asia]. Moscow, 406 p. [in Russian]

Klychnikov, Tsybul'nikova, 2011 – Klychnikov, Yu.Yu., Tsybul'nikova, A.A. (2011) «Tak buinuyu vol'nost' zakony tesnyat...»: bor'ba rossiiskoi gosudarstvennosti s

khishchnichestvom na Severnom Kavkaze (istoricheskie ocherki) ["Thus freedom unruly is trodden by laws...": the struggle of Russian statehood against preying in the North Caucasus (historical essays)]. Pyatigorsk, 255 p. [in Russian]

[Materialy..., 1940](#) – Materialy po istorii Kazakhskoi SSR (1785–1828 gg.). T. IV. [Materials on the history of the Kazakh SSR (1785-1828). Vol. IV]. Moscow, Leningrad, 1940. 543 p. [in Russian]

[Meyendorff, 1975](#) – *Meyendorff, E.K.* (1975) Puteshestvie iz Orenburga v Bukharu [Journey from Orenburg to Bukhara]. Moscow, 180 p. [in Russian]

[Morrison, 2021](#) – *Morrison, A.* (2021) The Russian Conquest Of Central Asia: A Study In Imperial Expansion, 1814–1914. Cambridge, 641 p.

[OGAOO](#) – Ob"edinennyi gosudarstvennyi arkhiv Orenburgskoi oblasti [Joint State Archive of Orenburg Region].

[Peretyatko, 2023](#) – *Peretyatko, A.Yu.* (2023). Captives, Slaves, Freemen: Some Aspects of the 19th century Central Asia Former Russian Slaves' Testimonies as a Historical Source. *Bylye Gody*. 18(2): 619-632.

[Rajović et al., 2017](#) – *Rajović, G., Ezhevski, D.O., Vazerova, A.G., Trailovic, M.* (2017). The Exchange of Prisoners as a New Form of the Russian-Circassian Dialogue at the Beginning of the 19th Century: Part I. *Bylye Gody*. 46(4): 1261-1274.

[Taimasov, 2009](#) – *Taimasov, S.U.* (2009). Ob otnosheniyakh bashkir s kazakhami Mladshego zhuzha v period pravleniya Nurali-khana [About the relationships of Bashkirs with Kazakhs of the Junior jüz during the period of Nuraly Khan's rulership]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*. 37(175): 54-58. [in Russian]

[Terent'ev, 1903](#) – *Terent'ev, M.A.* (1903) Istoriya zavoevaniya Srednei Azii. T. I. [History of the Conquest of Central Asia. Vol. 1]. Saint-Petersburg, 512 p. [in Russian]

[Vasilyev, 2014](#) – *Vasilyev, A.D.* (2014). Znamya i mech ot padishakha. Politicheskie i kul'turnye kontakty khanstv Tsentral'noi Azii i Osmanskoi imperii (seredina XVI — nachalo XX vv.) [A banner and a sword from the padishah. Political and cultural contacts of the khanates of Central Asia and the Ottoman Empire (mid 16th – early 20th centuries)]. M., 356 p. [in Russian]

[Vasilyev, 2017](#) – *Vasilyev, D.V.* (2017). Massovye narodnye dvizheniya kak instrument rossiiskoi regional'noi politiki v Kazakhskoi stepi v kontse XVIII v. (na primere dvizheniya Syryma Datova) [Mass popular movements as an instrument of Russian regional policy in the Kazakh steppe in the late 18th century (through the example of the Syrym Datov movement)]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 8. Istoriya*. 1: 31-43. [in Russian]

[Zapiski..., 1983](#) – Zapiski o Bukharskom khanstve (Otchety P.I. Demezona i I.V. Vitkevicha) [Notes about the Khanate of Bukhara (The reports of P.I. Demezson and I.V. Vitkevich)]. M., 149 p. [in Russian]

Подданные Российской империи в Бухарском эмирате и несостоявшаяся поездка султана Сеит-Али Нур-Алиева с целью их возвращения (1813 г.)

Артем Юрьевич Перетяtko ^{a, *}

^a Черкас глобальный университет, Вашингтон, США

Аннотация. Статья посвящена социальной структуре подданных Российской империи в Бухарском эмирате. Основным источником для ее описания стали прежде не вовлекавшиеся в научный оборот материалы о несостоявшейся поездке в Бухару в 1813 г. султана Сеит-Али Нур-Алиева с целью вывоза оттуда подданных Российской империи.

В статье делается вывод, что, несмотря на заявления ряда русских дипломатов и военных о тяжелых страданиях русских пленных в Бухаре, реальное число русских рабов в Бухарском эмирате в XIX в. было сравнительно невелико. По оценке П.И. Демезона, в 1830-х г. в Бухарском эмирате было всего около 500 «русских пленников». Когда в 1858 г. Н.П. Игнатъев централизованно освобождал русских рабов в Бухаре, в Российскую империю

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: ArtPeretatko@yandex.ru (А.Ю. Перетяtko)

вернулось всего 10 человек, поскольку остальные «обухарились». Зато, согласно С. Нур-Алиеву и ряду других авторов, в Бухаре жило значительное число беглых из Российской империи, опасавшихся возвращаться без прощения.

В то же время в статье показано, что проблема освобождения рабов была крайне важна для российских чиновников, порой мешая им адекватно воспринимать реальность. Так, хотя С. Нур-Алиев достаточно ясно писал, что планирует вернуть из Бухары в Россию «беглых людей», оренбургский губернатор Г.С. Волконский решил, что султан планирует также выкупать русских рабов для возвращения их на родину. И, соответственно, преувеличенное значение, придаваемое в ряде нарративов российских авторов XIX в. русским рабам в Бухаре, объясняется не намеренным искажением, но подобной ошибкой восприятия.

Ключевые слова: Бухарский эмират, русско-бухарские отношения, рабовладение, посредничество при освобождении рабов, Г.С. Волконский.